

Восточная улица.

Чем дальше идешь к концу улицы, тем становится тише. В конце концов здесь воцаряется пустота, а за прилавками остаются лишь скучающие торговцы, подпирающие головы руками и клюющие носом.

Тан Линъянь заметил, что у одного из прилавков в углу собралась небольшая толпа — человек пять-шесть. Для этого места это было довольно оживленно. Любопытство взяло верх, и он подошел ближе. На прилавке не было ни дорогих хризантем, ни диковинных товаров — лишь обычные принадлежности для каллиграфии: кисти, тушь, бумага и чернильница. В углу стола, в белоснежной нефритовой вазе, стояла единственная веточка хризантемы, покрытая утренней росой. На другом краю лежала стопка свитков, небрежно перевязанных веревкой, а рядом красовалась табличка: «Продаю картины!»

Вид у всего этого был такой, будто здесь устроили распродажу остатков товара. А сам торговец продолжал рисовать. Казалось, чувствуя внимание собравшихся, он старался еще больше: кисть порхала в его руках, и на бумаге постепенно проступали очертания рисунка. Вскоре толпа с удивлением осознала, что художник изобразил их самих.

— Браво! — слышались одобрительные возгласы, привлекая внимание торговцев с соседних рядов.

Наконец, нашлись желающие узнать цену и тех картин, что уже лежали в стопке. Но мастер, казалось, ничего не слышал — он терпеливо продолжал творить, даже не подняв головы.

Тан Линъянь как раз наблюдал за этим, когда кто-то сзади внезапно толкнул его в спину. Он пошатнулся и, хотя успел удержать равновесие, все же задел стол. Обернувшись, Тан Линъянь увидел недовольные лица окружающих, которые осуждающе на него поглядывали. Поняв, что из-за его столкновения с прилавком произошло нечто нехорошее, он взглянул на стол: на картине, которую в этот момент писал мастер, красовалось уродливое черное пятно — добротная работа в одно мгновение превратилась в испорченный лист.

— Прошу прощения, я выкуплю эту работу.

Торговец лишь отмахнулся, совсем не выглядя раздосадованным. Он добавил пару штрихов, и клякса внезапно превратилась в парящего орла. Картина словно ожила и стала даже лучше прежнего.

— Мастерство! — раздался восторженный крик толпы, и о маленьком происшествии тут же забыли.

Тан Линъянь положил на стол кошель и тихо проговорил, что забирает всё. В этот момент он не забыл поискать глазами того, кто его толкнул: на мгновение он успел заметить край фиолетового рукава. К счастью, среди множества людей в фиолетовом был только один. И, судя по всему, он не собирался останавливаться.

Мужчина в фиолетовом вышел в центр толпы и с хлопком раскрыл свой вычурный веер, на котором размашистым почерком было выведено: «Красавец». Тан Линъянь присмотрелся к надписи — почерк показался ему смутно знакомым. Несмотря на прохладную осеннюю погоду, этот тип с показным видом обмахивался веером.

Хм.

Тан Линъянь не сдержал усмешки, чем тут же привлек внимание незнакомца. Тот нахмурился и, сверкнув глазами, агрессивно спросил:

— Ты чего смеешься?

Тан Линъянь развел руками и покачал головой, изобразив на лице полное невинности выражение:

— Я? Я не смеялся.

Лицо мужчины почернело: ему показалось, что эта усмешка просто издевательская, и от нее стало крайне неприятно. Не раздумывая, он приказал своим слугам:

— Плевать, смеялся ты или нет. Эй, вы, побить его!

Из толпы выскочили двое дюжих молодцов с дубинками. Было видно, что они привыкли к подобным делам: двигались быстро и выглядели весьма угрожающе. Тан Линъянь сохранял полное спокойствие, лишь глядя на них:

— Учинять расправу посреди улицы — разве это подобает?

Мужчина в фиолетовом вдруг почувствовал холодок по спине, словно интуиция подсказывала, что избиение этого человека приведет к беде. Но отступить, сказав такие громкие слова, было нельзя, поэтому он лишь для вида фыркнул:

— Схватить его! Я разберусь с ним, как только закончу свои дела!

Сказав это, он прошел мимо Тан Линъяня, намереваясь продолжить свои придирки к художнику. В конце концов, хотя этот странный тип и отвлек его, он не забыл о своей главной цели — проучить того выскочку из Клана Сун.

Слуги, обладавшие хоть какой-то проницательностью, поняли, что хозяин только грозит, но до реального насилия дело не дойдет. Вытирая пот со лба, они для вида оттеснили Тан Линъяня в сторону, не решаясь ни связать его, ни применить силу.

Мужчина подошел к прилавку и с размаху поставил ногу на стол:

— Ты, мазила, еще смеешь выставять напоказ эту дрянь? Не стыдно?

Зрители, собравшиеся здесь ради зрелища, при виде такой наглости притихли — никто не хотел вмешиваться. А тем временем правитель государства Юнь стоял в стороне, ожидая, когда его «проучат».

Ши Ши: ...

Она как раз пришла сюда вместе с Царицей. Царица, накинув капюшон, неподвижно стояла в толпе, наблюдая за суматохой. Казалось, вокруг них образовалась зона тишины, и прохожие невольно замолкали. Ши Ши решила пока не говорить об этом Тан Линъяню, чтобы не мешать ему действовать.

— Ты не поможешь ему?

— Подождем еще немного.

Тан Линъянь стоял в стороне с заведенными за спину руками, которые послушно удерживали слуги. Он внимательно наблюдал за художником — тот вовсе не выглядел человеком, которого легко запугать. Торговец, казалось, даже не замечал ноги на своем столе, продолжая сосредоточенно рисовать птиц. Как бы наглец ни бесчинствовал, это его не касалось.

Видя, что его игнорируют, мужчина в фиолетовом пришел в ярость и с силой пнул стол. Принадлежности для рисования с грохотом полетели на землю, а почти законченная картина была залита тушью и окончательно испорчена. Теперь ее уже никак нельзя было восстановить.

Толпа начала тихо осуждать мужчину, но никто не решался подойти. После этого удара люди попятились, образовав широкий круг, боясь попасть под горячую руку. Художник наконец поднял голову, взглянул на наглеца и с сожалением посмотрел на испорченную картину. Вытирая руки, он произнес слова, от которых у всех перехватило дыхание:

— Эх, жаль. Впрочем, такая картина как раз подошла бы для украшения твоей могилы — Портрет тысячи оплакивающих.

Толпа: ???

Вокруг воцарилась гробовая тишина, слышны были лишь сдавленные вздохи. Затем кто-то не выдержал и прыснул со смеху, но тут же испуганно осекся. Тан Линъянь тоже тихо усмехнулся — этот торговец оказался крепким орешком.

— Ты... что ты сказал?! Как ты смеешь?!

Наглеца, привыкшего к лести, так унизили на глазах у всех. От ярости и стыда его лицо сначала побледнело, а потом налилось багровым цветом. Он не верил своим ушам, глядя на мужчину, который начал неспешно закатывать рукава. Он что, не боится смерти? Он что, не знает, кто он такой?!

— Да как ты смеешь! — взревел он, бросил веер и, закатав рукава, приготовился к драке, забыв о своих телохранителях.

— Сколько болтовни! Ты же пришел крушить лавку? Давай, бей, если пришел! Быстрее, у меня нет времени.

В толпе зашептались, выражая крайнее удивление: никто не ожидал, что под хрупкой внешностью художника скрывается такое мускулистое тело. Воистину, нельзя судить о человеке по одежке.

— Ты давно это понял? — удивилась Ши Ши.

— Догадался. Его руки слишком грубые, в мозолях от оружия, а не от кисти.

— М-м, — задумчиво протянула Ши Ши. — Хочешь, кое-что скажу?

— Что?

Ши Ши внезапно замолчала, и Тан Линъянь не успел переспросить, как двое слуг, державшие его, вдруг отпустили руки и бросились вперед.

— Молодой господин, нельзя!

— Да, вы не справитесь!

Молодой господин: ? Зачем вы мне вообще нужны, бестолочи?

— Чего стоите?! А ну, все вместе на него!

Слуги переглянулись и, закатав рукава, кинулись на художника. Тан Линъянь невозмутимо отступил на полшага назад. Завязалась жаркая драка, а зеваки, опасаясь за свои драгоценные хризантемы, поспешно отбежали на несколько метров, боясь ненароком раздавить плоды своего труда.

Через несколько мгновений сторона наглеца была избита до неузнаваемости, и они валялись на земле, стоная от боли. Сам же художник, если не считать растрепанных волос, почти не пострадал.

— ...

Наглец смотрел на своих валяющихся слуг, чувствуя, как его собственное лицо пылает от жгучего стыда.

— Твои люди ни на что не годны. Может, сам попробуешь?

Художник отряхнул пыль с одежды и, вскинув бровь, поманил наглеца пальцем с вызывающей улыбкой.

<http://bllate.org/book/18607/1791685>